
ЛИНГВИСТИКА

СИНТАКСИС

УДК 811.512.31'367

DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-9-23

Подлежащее в бурятских конструкциях каузации эмоций

Е. К. Скрибник¹, Н. Б. Даржаева²

¹ *Институт финноугроведения Университета им. Людвига-Максимилиана, Мюнхен, Германия*

² *Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия*

Аннотация

Бурятские конструкции каузации эмоций представляют собой систему, позволяющую говорящему поставить в фокус внимания разные компоненты Стимула. Информационно наиболее значимый компонент оформляется как подлежащее; это может быть сам Стимул в целом (представленный придаточным или именной группой) либо его главное действующее лицо (Каузатор). Имена предметного значения в этой позиции редки. Стимулы бывают двух типов: непосредственно воспринятые события либо информация о них, причем Стимулы информационного характера несколько частотнее Стимулов-событий, что показывает значимость коммуникативного фактора в языковом сообществе.

Ключевые слова

бурятский язык, синтаксис, каузативные эмотивные глаголы, конструкции каузации эмоций, подлежащее, стимул, каузатор

Благодарности

Авторы выражают благодарность коллегам Б. Д. Цыренову, Л. Б. Бадмаевой, Л. Б. Будожаровой за ценные консультации. Статья подготовлена в рамках госзадания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9).

Для цитирования

Скрибник Е. К., Даржаева Н. Б. Подлежащее в бурятских конструкциях каузации эмоций // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 1 (Вып. 49). С. 9–23. DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-9-23

© Е. К. Скрибник, Н. Б. Даржаева, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 1 (Вып. 49)

Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2024. No. 1 (Iss. 49)

Subjects in emotion causation constructions in Buryat

E. K. Skribnik¹, N. B. Darzhaeva²

¹*Institute for Finno-Ugric / Uralic studies, Ludwig Maximilian University, München, Germany*

²*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation*

Abstract

This article examines the emotion causation constructions (ECC) in Buryat as a systemic means for the speaker to direct attention toward various components of the Stimulus. The most informatively significant component functions as the subject of ECC: it can be the Stimulus, represented by a clause or a noun phrase (NP), or its Agent, referred to as the Causer. Concrete nouns are extremely rarely used as subjects. There are two types of Stimuli: the events perceived directly or the information about these events, with the latter being even somewhat more frequent than the former, indicating the importance of a communicative factor in a language community. The analysis confirms the assumption that all subject types relate to the Stimulus, but the attention focus can vary. It can be directed to the event itself, its presentation forms ranging from a clause to a noun, the source of information about it, the Agent, and rarely the Theme. The prevalence of antroponymic names as subjects in ECCs can be explained by the psychology of communication, with interlocutors usually focusing on other individuals involved in emotion-causing events. Verbalization of emotions caused by inanimate objects is atypical for the Buryat language system. In unconventional scenarios, basic emotive verbs can be employed with inanimate subjects, provided that the speaker's attention is redirected away from the Agent.

Key words

Buryat language, syntax, emotive verbs, causative constructions, subjects, Causer and Stimulus

Acknowledgements

Our sincere gratitude for help with language data goes to B. D. Tsyrenov, L. B. Badmaeva, L. B. Budozhapova. The research was carried out within the project "Man's World in Mongolian Languages: Analysis of Expressive Means of Emotional Breadth" (No. 121031000258-9).

For citation

Skribnik E. K., Darzhaeva N. B. Subjects in emotion causation constructions in Buryat. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2024, no. 1 (iss. 49), pp. 9–23 (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-1-9-23

Введение

Синтаксис глаголов, называющих эмоции, в монгольском языкознании до сих пор недостаточно изучен; мы рассмотрим бурятские конструкции с эмотивными глаголами в каузативном залоге. По семантике эмотивные конструкции примыкают к причинным (Причина – Следствие), но имеют и существенные отличия. Обязательным компонентом в них является эмотивный предикат: эмоция понимается как определенное изменение в человеческой психике вследствие некоторых внешних факторов (Стимул – Эмоция). С этой точки зрения эмотивные конструкции примыкают к некоторым изъяснительным (например, к конструкциям оперирования информацией): и те, и другие вербализуют взаимодействие внешнего мира и человеческого сознания (так называемые модус-диктумные конструкции, в противопоставлении диктум-диктумным, например, временным или причинным [Черемисина, Колосова, 1987, с. 66 (со ссылкой на [Балли, 1955])]).

Каузативные конструкции также отражают причинно-следственные связи, но по-другому кодируют ситуации причины и следствия. Каузативность понимается как морфологическая категория глагола, благодаря которой причина и следствие представлены в одном предикатном выражении [Храковский, 2020, с. 69] – в сложном сказуемом со вспомогательным каузативным глаголом либо в простом сказуемом с суффиксом каузативного залога на глаголе, обозначающем следствие, как в бурятском [ГБЯ 1962, с. 206; Дадуева, 2022, с. 14]. Оформление эмотивного глагола показателем каузативного залога существенно меняет его модель управления;

особую значимость в результирующей конструкции приобретает позиция подлежащего. В данной статье мы сосредоточимся на вариантах ее заполнения.

Материалом исследования послужили современные словари, тексты бурятских авторов, в том числе размещенные в электронном Бурятском корпусе, а также результаты опроса носителей языка¹.

1. Глаголы эмоции и эмотивные конструкции

1.1. Общие сведения

В исследованиях по семантике и синтаксису глаголов эмоций в языках мира (например, [Арутюнова, 1976; Wierzbicka, 1992, 1999; Падучева, 2004; Verhoeven, 2007; Kutscher, 2009; Murgmann, 2019] и мн. др.) особое внимание обращается на соотношение семантических ролей (Экспериенцер и Стимул эмоции, например, [Падучева, 2004, с. 278]) и морфосинтаксических характеристик (подлежащее и дополнения в разных падежных формах). По этому параметру выделяется от двух до трех основных типов эмотивных глаголов и конструкций [Belletti-Rizzi, 1988; Croft, 1993]:

- 1) *fear / temere* (Экспериенцер – подлежащее, Exp/NOM: ‘Я боюсь этого’);
- 2) *frighten / preoccupare* (Экспериенцер – прямое дополнение, Exp/ACC: ‘Это меня пугает’);
- 3) *appeal / piacere* (Экспериенцер – косвенное дополнение, Exp/DAT: ‘Это мне нравится’).

Сходные типы конструкций обнаруживаются и в бурятском языке: конструкции эмоциональной реакции (1а, 2а), каузации эмоций (1в, 2в) и эмоционального состояния (1б, 2б) [Скрибник, 1982]²; примеры группы (1) представляют собой простые предложения, в группе (2) Стимул представлен отдельной предикативной единицей (примеры из [Скрибник, 2015, с. 38]). Обратим внимание, что для бурятского характерно их разведение не за счет разных лексем, а за счет разных производных от одного и того же корня:

- (1а) *Бэлэг-тэ-ш* *ехээр* *баярла-ба-б* (инф.).
подарок-DAT-POSS.2SG очень радоваться-PST-1SG
‘Я сильно обрадовался твоему подарку.’
- (1б) *Би* *бэлэг-тэ-ш* *ехэ* *баяр-тай-б* (инф.).
я подарок-DAT-POSS.2SG очень радость-PROPR-1SG
‘Я очень рад твоему подарку.’
- (1в) *Энэ* *һонин* *намайе* *баярл-уул-ба* (инф.).
этот новость я.ACC радоваться-CAUS-PST[3SG/PL]
‘Эта новость меня обрадовала.’
- (2а) *Би* *Бат-ын* *город* *ерэ-һэн-дэ-нь* *ехэ*
я Бата-GEN город ехать-PC.PAST-DAT-3SG очень
гайха-ба-б.
удивляться-PAST-1SG
‘Я сильно удивился тому, что Бата переехал в город.’

¹ Примеры, полученные от информантов, имеют помету (инф.); все примеры без этой пометы взяты из Бурятского корпуса.

² Наше описание ориентировано на синтаксис конструкций; отметим, что в работах по семантике глаголов эмоций используется другая терминология. Так, Е. В. Падучева различает глаголы (временного) эмоционального состояния типа *радоваться* и (устойчивого) эмоционального отношения типа *любить*, при этом ядро глаголов эмоционального состояния составляют «каузативы, которые обозначают не психическое состояние, а психическое воздействие» [Падучева, 2004, с. 275–276]; ср. также [Апресян, 2015, с. 30–31]. Тем самым наше употребление термина «эмоциональное состояние» существенно отличается от определения Е. В. Падучевой и относится к семантике конструкции, а не глагола.

- (2б) *Намда* *Бат-ын* *город* *ерэ-хэн-Ø-инь* *ехэл.*
 я:DAT Бата-GEN город ехать-PC.PAST-NOM-POSS.3 очень
гайхал-тай
 удивление-PROPR
 ‘Для меня (букв.: мне) очень удивительно, что Бата переехал в город.’
- (2в) *Бат-ын* *город* *ерэ-хэн-Ø-инь* *намайе* *ехэ*
 Бата-GEN город ехать-PC.PAST-NOM-POSS.3 я.ACC очень
гайх-уул-ба.
 удивляться-CAUS-PAST[3SG/PL]
 ‘Меня сильно удивило, что Бата переехал в город.’

Бурятские эмотивные глаголы существенно отличаются от русских по двум параметрам: по падежной форме Стимула и по отношению к залогам. В русском языке, как известно, «дополнения при глаголах этого типа не имеют стабильной формы» [Арутюнова, 1976, с. 160] – *раздражаться на кого, волноваться за кого, радоваться чему* и т. п. В бурятском они стандартно управляют дательным-местным падежом (1а, 2а), за исключением глаголов страха, управляющих исходным (3), т. е. налицо устойчивая форма, мотивированная семантически. В русском исходная основа глагола обозначает, как правило, каузацию эмоций (*что-то радует / пугает кого-то*); для декаузации необходим страдательный залог (*кто-то радуется / пугается чему-то/чего-то*)³, а для выражения эмоционального состояния в нашем понимании используются предикативные прилагательные (*кто-то рад / кому-то стыдно*). В бурятском же предикативные прилагательные эмоционального состояния образуются от названий эмоций суффиксами наличия / отсутствия признака (*-тАй / -гүй*, см. 1б, 2б), исходная основа глагола передает эмоциональную реакцию (*баярла-* ‘радоваться’, *ай-* ‘бояться, пугаться’), для выражения каузативного значения необходим показатель каузативного залога (*баярл-уул-* ‘радовать’, *ай-лга-* ‘пугать’):

- (3) *Ши-мни* *Бадма-һаа* *ай-гаа-гүй,* *харин* *Бадм-ые*
 ты-POSS.1SG Бадма-ABL бояться-PC.PRS-NEG но Бадма-ACC
ай-лга-жа *шада-ба-ш.*
 бояться-CAUS-CVB мочь-PAST-2SG
 ‘Ты-мой не испугался Бадмы, однако смог напугать Бадму.’

1.2. Структура конструкций с эмотивным глаголом в каузативном залоге

Непроизводные эмотивные глаголы, образующие конструкции эмоциональной реакции, обычно двухместны: Экспериенцер является подлежащим, а Стимул принимает форму одного из косвенных падежей. Производные эмотивные глаголы с суффиксом каузативного залога ведут себя иначе.

Оформление суффиксом каузативного залога обычно приводит к появлению у глагола дополнительного актанта – Каузатора, занимающего позицию подлежащего, а реальный исполнитель действия, исходное подлежащее, становится дополнением, как правило, прямым, как в (1в, 2в, 3), гораздо реже косвенным. Большинство эмотивных глаголов свободно принимает суффикс каузатива, хотя частотность их употребления может различаться (например, *ай-лга-* ‘пугать’ – 126 примеров в корпусе, а *хоролх-уул-* ‘вызывать гнев’ – всего один). Лишь отдельные глаголы таких форм не образуют (*гэмшэ-* ‘раскаиваться’). Глаголы в каузативном залоге, в том числе и эмотивные, в одной словоформе представляют две ситуации: названную основой эмоциональную реакцию и представленную залоговым суффиксом ситуацию каузации (‘заставить’, ‘вызвать’). Соответственно, в таких конструкциях Экспериенцер эмоции одновременно

³ «В русском языке от многих каузативных глаголов эмоции образуется инверсный декаузатив на *-ся*» [Падучева, 2004, с. 279].

является Пациентом каузации, так что оформляется как прямое дополнение, т. е. винительным падежом. Поскольку эмоциональные переживания возможны только у человека (метафорически – у других живых существ), Экспериментер стандартно представлен антропонимической лексикой (см. примеры 1в, 2в, 3), гораздо реже встречаются названия животных и т. п. и крайне редко, метафорически, персонифицированных предметов и явлений (см. 6).

Если функция прямого дополнения в эмотивной каузативной конструкции (ЭКК) однозначно связана с ролью Экспериментера, то с функцией подлежащего такой однозначности нет. У большинства каузативных (не эмотивных) глаголов в функции подлежащего представлен Каузатор; у эмотивных глаголов здесь возможны варианты. Помимо Каузатора (см. пример 3, 9, 13) здесь возможен Стимул, особенно если он выражен не развернуто, клаузой (см. 2в, 8, 14б, 15б.), а именной группой (1в, 4, 5, 16, 17) ⁴:

- (4) *Конференци-мнай ябаса бидэ-ниие ехэ баярл-уул-аа.*
 Конференция-POSS.1PL ход мы-ACC очень радоваться-CAUS-PC.PRS[3SG/PL]
 ‘Ход нашей конференции очень обрадовал нас.’
- (5) *Сада ах-айн үгэ намайе гайх-уул-ба.*
 Сада брат-GEN слово я.ACC удивиться-CAUS-PAST[3SG/PL]
 ‘Слова брата Сады меня удивили.’

Обратим внимание, что Стимулом в (4) является событие, а в (5) – информация (см. подробнее 3.2.2.2).

Далее, конструкции каузации эмоций имеют не только двухместные, но и трехместные варианты с косвенным дополнением в орудном падеже. В трехместных ЭКК отношения синтаксических и семантических ролей более жесткие: подлежащее – только Каузатор, прямое дополнение в винительном падеже – Экспериментер, косвенное дополнение – средство воздействия, Инструмент или Прием (ср. [Падучева, 2004, с. 384, 387]); см. пример (6), где представлен редчайший случай метафоры с неодушевленным Экспериментером:

- (6) *...аажам_намдуу зун-ай үдэи-ые залуушуул ирагуу*
 тихий лето-GEN вечер-ACC молодежь мелодичный
хайхан дуу-гаар-аа сош-оо-бо.
 хороший песня-INST-REFL испугать-CAUS-PAST[3SG/PL]
 ‘Молодежь своей звучной красивой песней нарушила тишину тихого летнего вечера (букв.: испугала тихий летний вечер).’

Таким образом, если функция прямого дополнения в ЭКК жестко связана с ролью Экспериментера, то в функции подлежащего ЭКК возможны семантические роли Каузатора и разного типа Стимулов, причем при наличии инструментального дополнения реализуется только роль Каузатора.

2. Подлежащее в эмотивных каузативных конструкциях по данным Бурятского корпуса

Рассмотрим подробнее формальные средства выражения подлежащего и семантические группы имен в этой функции, а также соотношение параметров одушевленность / неодушевленность и Каузатор / Стимул.

Следует оговорить, что терминология описания ЭКК у разных авторов расходится, в первую очередь, в зависимости от общего подхода – от семантики к синтаксису либо от синтаксиса к семантике. Так, Стимул трактуется одновременно как Причина и Содержание эмоции [Ар-

⁴ Ср. о «глаголах психического воздействия» типа *раздражать*: «позицию субъекта при них замещают то имена лиц, то пропозиции и их эквиваленты» [Арутюнова, 1976, с. 153].

утионова, 1976, с. 177]; последнее связано с ментальным компонентом в толковании семантики эмотивного глагола [Падучева, 2004, с. 278] (ср. [Wierzbicka, 1992, с. 178]):

У обрадовался X-у (X – событие)
 произошло X
 У узнал / увидел / услышал, что X
 У подумал: X (или то, что X имеет место) хорошо
 это вызвало:
 У почувствовал нечто хорошее

«...X – это содержание полученной информации (может быть, воспоминания); предмет оценки – в той или иной степени интеллектуальной – со стороны субъекта; и только вследствие всего этого – причина возникновения эмоции» [Падучева, 2004, с. 278].

Ставится также вопрос «о семантической обоснованности единой роли стимула для всех эмотивных глаголов и о семантических сдвигах, которые она претерпевает при разном синтаксическом выражении» [Апресян, 2015, с. 32–33]. Разнообразие синтаксического выражения Стимула объясняется тем, что эта роль семантически не холистична: вызывать эмоцию могут «одушевленные существа, неживые объекты, знание фактов, мнения и предположения» и пр. Однако если для русского языка «неживые объекты» в этом ряду представляются вполне естественными (ср. также [Сюткина, 2018]), то материал Бурятского корпуса и опрос информантов дает несколько иную картину (см. 3.2.2.3).

В целом исследования в рамках семантического подхода объясняют разнообразие синтаксических реализаций многозначностью эмотивных глаголов: разные их значения (например, межсобытийные и интерперсональные) реализуются в разных конструкциях (с «альтернативой в одной синтаксической позиции антропонимов и пропозитивных номинаций» [Арутюнова, 1976, с. 166]). Однако более продуктивным представляется предложение Е. В. Падучевой включить дополнительно в анализ эмотивных конструкций коммуникативный уровень: различие синтаксических функций участников с одними и теми же семантическими ролями объясняется их разной коммуникативной значимостью («коммуникативные ранги» [Падучева, 2004, с. 281]).

Бурятский язык, в отличие от русского, характеризуется жестким порядком слов SOV, подлежащее занимает начальную позицию в предложении и достаточно жестко связано с коммуникативной ролью темы / топика, т. е. является коммуникативно выделенным; поэтому мы отслеживали для пятнадцати самых частотных в Бурятском корпусе эмотивных глаголов с суффиксами каузативного залога именно характеристики подлежащего: его структурный тип (предикативная единица или именная группа), семантику имен в составе именных групп (одушевленность / неодушевленность, лицо / не-лицо, в случае неодушевленности – более узкие семантические группы); см. табл. 1. Местоимения отдельно не учитывались, они отнесены в зависимости от референта к группе одушевленных либо неодушевленных имен.

Как видно из таблицы, актанты в ЭКК часто эллиптированы; например, с глаголом *айлга-* ‘пугать’ в корпусе имеется 126 примеров, из них только 90 с выраженным подлежащим (семантическая роль Каузатора либо Стимула), возможен также эллипсис прямого дополнения – Экспериенцера. Факторы, обуславливающие эллипсис, могут носить коммуникативный и конструктивный характер. Во-первых, именная группа регулярно эллиптируется, если референт Каузатора активирован в дискурсе. Во-вторых, опускаются коммуникативно незначимые актанты (ср. традиционные термины «обобщенно-личное» и «неопределенно-личное предложение»); в таком случае фокус внимания лежит на самом факте каузации эмоций, а не на ее конкретных участниках (см. 3.2.1). Наконец, возможны различные конструктивные ограничения; так, в (7) в определительной конструкции с глаголом *айлга-* в причастной форме Каузатор назван определяемым именем и, соответственно, не дублируется.

Таблица 1

Типы подлежащего ЭКК в Бурятском корпусе

Table 1

The types of subject in ECCs in the Buryat corpus

Каузативный глагол (+ статистика)	Подлежащее					
	ПЕ	Именная группа				
		Одушевл. (Каузатор)		Неодушевл. (Стимул)		
		Лицо	Не лицо	Имя события	Инфор- мация	Прочее
<i>айлга-</i> ‘пугать’ (126)	–	77 (Ø ⁵ 36)	4	–	6	3
<i>сошоо-</i> ‘припугнуть’ (52)	–	22 (Ø 15)	2	7	6	–
<i>баярлуул-</i> ‘радовать’ (61)	–	29 (Ø 22)	1	5	3	1
<i>баясуул-</i> ‘радовать’ (67)	–	22 (Ø 35)	–	1	8	1
<i>сухалдуул-</i> ‘сердить’ (13)	–	4 (Ø 7)	–	2	–	–
<i>дурлуул-</i> ‘заставить полюбить’ (7)	–	2 (Ø 5)	–	–	–	–
<i>гомдохоо-</i> ‘обижать’ (40)	–	22 (Ø 17)	–	1	–	–
<i>эиээ-</i> ‘стыдить’ (2)	–	1 (Ø 1)	–	–	–	–
<i>хайрлуул-</i> ‘заставить пожалеть’ (5)	–	2 (Ø 3)	–	–	–	–
<i>урмашуул-</i> ‘вдохновлять’ (30)	–	22 (Ø 8)	–	–	–	–
<i>хүхээ-</i> ‘веселить’ (30)	–	19 (Ø 11)	–	–	–	–
<i>бархируул-</i> ‘заставить плакать’ (6)	–	5 (Ø 1)	–	–	–	–
<i>энеэлгэ-</i> ‘смешить’ (20)	1	13 (Ø 6)	–	–	–	–
<i>гайхуул-</i> ‘удивлять’ (65)	1	30 (Ø 20)	–	4	6	4
<i>һонирхуул-</i> ‘заинтересовать’ (51)	2	22 (Ø 12)	–	5	8	2

(7) *Зай, тэрэн-ише ай-лга-һан хүн хадаа*
 хорошо он-ACC бояться-CAUS-PC.PST человек PCL
ошо-хо-л бол-оо бэээ-б.
 идти-PC.FUT-PCL AUX-PC.PRS PCL-1SG
 ‘Ну, раз это я (букв.: тот человек, что) его испугал, я, пожалуй, пойду.’

⁵ Ø – эллиптированное подлежащее в определенно-личных и обобщенно-личных предложениях.

3. Структурные типы и семантика подлежащего в ЭКК

В функции подлежащего в ЭКК встречаются придаточные предложения (см. 3.1) и именные группы (как существительные, так и местоимения, см. 3.2). Семантически в этой функции представлены Каузаторы (выраженные антропонимами, шире – одушевленными именами) и разного рода Стимулы (выраженные либо придаточными, либо именами событийного либо информационного значения). Предметная лексика встречается крайне редко (см. 3.2.2.3).

3.1. Придаточные подлежащие

Развернутое представление события-Стимула придаточным регулярно встречается в материалах опроса информантов, однако в корпусе таких примеров немного (см. табл. 1, примеры 2в и 8, ср. также 15б, 16б).

- (8) ...*гэнтэ* *эрэ тахья* *шэнгээр* *һорхой-хо-нь*
вдруг петух словно наохлаиться-PC.FUT-POSS.3
хүн-үүд-ые *энеэ-лгэ-нэ.*
человек-PL-ACC смеяться-CAUS-PRS[3SG/PL]
'То, что он почему-то (букв.: вдруг, неожиданно) так петушится, смешит людей.'

Стимул может быть выражен клаузой в предыдущем контексте, а в ЭКК представлен подлежащим-местоимением. Хотя в бурятском имеется два глагольных местоимения, проксимальное *ии(гэ)*- 'делать / поступать вот так' и дистальное *тйи(гэ)*- 'делать / поступать вон тем образом', но в ЭКК может использоваться только проксимальное местоимение-существительное *энэ* 'этот; это' (см. 9); его дистальная пара *тэрэ* 'тот; то; он' в таких конструкциях может относиться только к одушевленному референту (см. ниже 10).

- (9) ...*тэрэ-нь* *илдам* *харас-аар* *энеэбхилэ-н,* *урдаһаа-нь*
он-POSS.3 ласковый взгляд-INS улыбаться-CVB навстречу-POSS.3
дохи-бо. *Энэ-нь* *Майдар-ые* *ехэ*
кивать-PST[3SG/PL] это-POSS.3 Майдар-ACC сильно
гайх-уул-ба-гүй.
удивляться-CAUS-PST-NEG[3SG/PL]
'...он, с ласковым взглядом улыбнувшись, кивнул в ответ. Это не сильно удивило Майдара.'

3.2. Именные группы

В подавляющем большинстве корпусных примеров в роли подлежащего используются имена одушевленные (см. табл. 1) с семантикой Каузатора (см. 3.2.1). Неодушевленные существительные преимущественно относятся к двум семантическим группам, называя либо саму ситуацию действительности (например, событие 'взрыв'), либо информацию о ней ('новость'), т. е. представляют Стимул в максимально свернутом виде (см. 3.2.2.).

3.2.1. Одушевленность подлежащего в нашем корпусном материале жестко связана с ролью Каузатора; однако тип его оформления зависит от степени активированности соответствующего референта: существительные (Каузатор вводится впервые либо возможен референциальный конфликт), местоимения, эллипсис. Местоименная референция осуществляется дистальным *тэрэ* (10), а не проксимальным *энэ*, как для ситуации-Стимула (9).

- (10) *Алексей,* *юу-гээр* *тэрэ-шни* *шамайе* *гомдох-оо-гоо-б?*
Алексей что-INST он-POSS.2SG ты.ACC обидеться-CAUS-PST-PCL[3SG/PL]
'Алексей, чем он тебя обидел?'

При эллипсисе подлежащего-Каузатора предложение прочитывается как определено-личное, реже как неопределенно- и обобщенно-личное. Как правило, опускается имя Каузатора, уже хорошо известного из контекста (топикальность / актуализированность Каузатора), т. е. он легко восстанавливается, особенно в случаях 1-го и 2-го л., где сказуемое оформляется ненулевыми личными показателями (см. 11). Неопределенно-личное и обобщенно-личное прочтение связано с опущением имени Каузатора, информативно в данном контексте незначимого либо генерализованного (12).

- (11) *Эдэ хоёр-ые-и* *хайса-л* *ай-лга-һан* *бай-ха-б.*
 эти двое-ACC-POSS.2SG хорошо-PCL бояться-CAUS-PC-PST AUX-PC-FUT-1SG
 ‘Этих твоих двоих [я] хорошенько напугал.’
- (12) *Хун-ише иигэ-жэ ай-лга-жа боло-хо юм аал?*
 человек-ACC PROX-CVB бояться-CAUS-CVB AUX-PC-FUT PCL PCL
 ‘Разве можно [кому бы то ни было] так пугать людей?’

В роли подлежащего-Каузатора встречаются помимо антропонимов и другие одушевленные существительные – названия животных, птиц и т. д.:

- (13) *Нээрээ-ише, тэнүүл баабгай-нууд малша-д-ые ехээр*
 вправду-PCL бродячий медведь-PL скотник-PL-ACC много
айлга-жа бай-на.
 пугать-CVB AUX-PRS[3SG/PL]
 ‘И вправду, бродячие медведи сейчас сильно пугают скотников.’

3.2.2. Неодушевленные существительные в роли подлежащего, по данным корпуса, – это способ представления Стимула, гораздо более частотный по сравнению с придаточными подлежащими, возможно, в силу своей компактности. Здесь представлены в первую очередь две семантические группы: названия событий (см. 3.2.2.1) и названия коммуникативных и когнитивных актов (см. 3.2.2.2). Имеется также небольшая группа примеров с именами конкретного предметного значения (см. 3.2.2.3).

3.2.2.1. Имена событийного значения (‘случай’, ‘крик’, ‘возвращение’, названия природных явлений, например, ‘гроза’) представляют собой как бы максимальную свертку ситуации-Стимула. Они занимают промежуточное место на шкале, отражающей степень актуализации этой ситуации в контексте и коммуникативные потребности говорящего: придаточное подлежащее – событийное имя – местоимение *энэ*, ср.:

- (14а) *Аймшагтай ехэ шашихаан оршон тойрон-ише*
 страшный большой крик окрестность вокруг-ACC
сош-оо-бо.
 испугаться-CAUS-PST[3SG/PL]
 ‘Всех окружающих (букв.: всю окрестность) напугал громкий крик.’
- (14б) *Тэрэн-эй шангаар шашиха-һан-инь оршон тойрон-ише*
 он-GEN громко кричать-PC-PST-POSS.3 окрестность вокруг-ACC
сош-оо-бо (инф.).
 испугаться-CAUS-PST[3SG/PL]
 ‘То, что он громко закричал, всех окружающих напугало.’
- (14в) *Энэ-нь оршон тойрон-ише сош-оо-бо (инф.).*
 это-POSS.3 окрестность вокруг-ACC испугаться-CAUS-PST[3SG/PL]
 [Вдруг раздался громкий крик.] ‘Это всех окружающих напугало.’

Эллипсис существительного-Стимула в корпусе не представлен, т. е. эллиптируются только имена, представляющие Каузатора.

Как показывает корпусный материал, Стимулом может быть не только событие (когда имя можно развернуть в глагольное придаточное предложение), но и положение вещей, статическая характеристика (когда имя можно преобразовать в придаточное предложение с именным сказуемым; при этом появляется глагол-связка *бай-*, не использующийся в независимом простом предложении с таким сказуемым).

- (15a) *Тэрэн-эй ухаан_бодол гайх-уул-даг.*
он-GEN ум удивляться-CAUS-PC.HAB[3SG/PL]
'Его ум удивляет.'
- (15б) *Тэрэн-эй ухаа-тай бай-хан-инь гайх-уул-даг (инф.).*
он-GEN ум-PROPR AUX-PC.PST-POSS.3 удивляться-CAUS-PC.HAB[3SG/PL]
'Удивительно (букв.: удивляет), что он [такой] умный.'

3.2.2.2. Самой частотной семантической группой неодушевленных существительных в роли подлежащего ЭКК оказались названия коммуникативных и когнитивных актов, а также их форм / результатов (*асуудал* 'вопрос', *ханал*, *бодол* 'мысль', 'знание', *үгэ* 'слово'). Таким образом, информация (ее получение, обработка и т. д.) как Стимул играет значительную роль в рождении человеческих эмоций. Такой тип Стимула подтверждает, что эмоция Экспериенцера обусловлена не непосредственным восприятием ситуации действительности, но опосредованно, сообщением или размышлением о ней (ср.: [Падучева, 2004, с. 274]).

- (16) *Энэ мэдээсэл булта-ниие сош-оо-бо.*
этот известие все-ACC испугаться-CAUS-PST[3SG/PL]
'Это известие напугало всех.'
- (17) *Зүгөөр Дылык Доржиевич-ые нэгэ асуудал*
однако Дылык Доржиевич-ACC один вопрос
ай-лга-на.
бояться-CAUS-PRS[3SG/PL]
'Однако Дылык Доржиевича пугает один вопрос.'

Содержание речевого или когнитивного акта, т. е. собственно описание ситуации-Стимула, может быть дополнительно представлено в контексте. Для этого обычно используются конструкции со вспомогательным глаголом речи *гэ-*, стандартным средством передачи прямой и косвенной речи в монгольских языках, ряд форм которого грамматикализован в качестве изъяснительных союзов [Санжеев, 1940; Порре, 1951; Varanova, 2015; Скрибник, 1987, 2015]. При существительных «информационной семантики» этот глагол принимает форму причастия прошедшего времени *гэ-хэн*, как в (18).

- (18) *...дахин өөрынгөө түрэ-хэн нютаг яба-ша-на*
снова свой родиться-PC.PST родина идти-INTENS-PRS
гү гэ-хэн ханал тэрэ-ниие ай-лга-даг бай-ба.
Q AUX-PC.PST мысль он-ACC бояться-CAUS-PC.HAB AUX-PST[3]
'Его пугала мысль, как бы тот не уехал снова на свою родину (букв.: мысль, говорящая о том, не уедет ли он...).'

3.2.2.3. Неодушевленные существительные, не входящие в названные выше семантические группы, т. е. имена предметного значения, в качестве подлежащих ЭКК встречаются крайне редко. В корпусе представлены примеры с названиями объектов, центральных для некоторых

(неожиданных, не вписывающихся в норму, потенциально опасных и т. п.) ситуаций и символически представляющих эти ситуации в целом; ср.: «Выступая в функции субъекта, конкретная лексика служит окказиональным субституту пропозиции» [Арутюнова, 1976, с. 160]. Это могут быть как природные явления (туча < гроза), так и артефакты (бомба < взрыв и т. п.), их семантическую роль в ситуации-Стимуле можно определить как Тема (в ЭКК такие имена перенимают роль Стимула). Примеры:

- (19) Энэ үдэшин тэмдэг ажалиша хүн-үүд-ые
 этот вечерний знак трудящийся человек-PL-ACC
 ай-лга-на-гүй, тэдэ-ниие баруун хада-нууд-ай
 бояться-CAUS-PRS-NEG они-ACC западный гора-PL-GEN
 араата-жа хүна-хан орой дээрэ-хи няалданги
 торчать-CVB растягиваться-PC.PST вершина PSTP-ADJ прилипший
 боро үүлэн ай-лга-на.
 серый туча бояться-CAUS-PRS[3SG/PL]
 ‘Это вечернее знамение не пугает работающих людей, а пугает их серая туча, застрявшая на растянувшихся острых вершинах западных гор.’

В примере (20а) ситуация-Стимул дополнительно представлена как определение к подобному конкретному существительному:

- (20а) Шала дээрэ хэбтэ-хэн саархан инспектор-ые бүри
 пол PSTP лежать-PC.PST бумага инспектор-ACC PSTP
 ехээр сухалд-уул-ба.
 сильно сердиться-CAUS-PST[3SG/PL]
 ‘Еще сильнее рассердило инспектора, что бумага лежит на полу (букв.: Лежащая на полу бумага еще сильнее рассердила).’

В обоих примерах стимулом эмоции является не просто объект, а стоящее за ним положение вещей (туча как предвестник грозы, разбросанная бумага как показатель беспорядка). Тем не менее в фокусе внимания говорящего находится именно неодушевленный участник ситуации: в контексте примера (20а) инспектор обнаруживает рядом с актовым залом университета кем-то разбросанную бумагу, собирает ее и выбрасывает в урну, т. е. в данном отрезке текста речь идет о бумаге. Кто ее разбросал, неизвестно, тем самым неодушевленный участник ситуации-Стимула оказывается единственным кандидатом на позицию подлежащего, сравним (20а) и (20б), где Агенс известен (по контексту инспектор наблюдает происходящее). Разумеется, это наблюдение касается ситуаций-Стимулов с несколькими участниками, один из которых Агенс, а другой – Пациенс или Тема, но не явлений природы, как в (19).

- (20б) Оюута-д саарха хая-жа, инспектор-ые ехээр
 студент-PL бумага бросать-CVB инспектор-ACC много
 сухалд-уул-аа (инф.).
 сердиться-CAUS-PC.PRS[3SG/PL]
 ‘Побросав бумагу на пол, студенты очень рассердили инспектора.’

Крайняя редкость таких примеров и подавляющая частотность примеров с Каузаторами (< Агенсами) может объясняться психологией межличностного общения: эмоции чаще всего вызывают поступки других людей, и именно люди чаще всего стоят в центре внимания в нарративах, следовательно, именно антропонимы чаще всего оказываются в ЭКК в топиальной позиции подлежащего с семантической ролью Каузатора. Неодушевленные имена в этой позиции чаще всего сигнализируют о необычности ситуации-Стимула, ее расхождении с системой ожиданий.

Интересно, что для русского языка описываются ЭКК с неодушевленным подлежащим, относящимся к целому ряду семантических групп, не представленных в Бурятском корпусе, – это названия произведений искусства, предметов интерьера, природно-ландшафтных объектов, описания внешнего вида и т. п. [Сюткина, 2018]. Корпусные данные и опрос информантов показали, что с такими подлежащими используются не базовые эмотивные глаголы, а сложные идиоматические сочетания типа «радовать душу / глаз» и «трогать сердце»:

- (21) ...одо мүшэ-д-тэй энэ ковёр ямар-шье хүн-эй нюдэ
 звезда-PL-COM этот ковер какой-PCL человек-GEN глаз
 байс-уул-маар бай-гаа.
 радовать-CAUS-CVB аух-PC.PRS[3SG/PL]
 ‘Этот ковер с рисунком звезд (букв.: со звездами) способен кому угодно радовать глаз.’

Прямые переводы предложений типа *Надеюсь, новая мебель ее обрадует* носители языка отвергают.

Из этих данных можно сделать предварительный вывод, что для бурятской языковой системы нетипична вербализация эмоций, вызванных неодушевленными объектами; базовые эмотивные глаголы допускают реализацию с неодушевленным подлежащим, только когда фокус внимания говорящего смещен с Агенса в ситуациях необычных, отклоняющихся от нормы. В примерах типа (21), где Агенса не подразумевается, используются вторичные (более поздние?) конструкты с несколько размытым значением – Экспериментер при них не назван напрямую, а представлен опосредованно, например, через органы чувств. Не исключено также, что их распространение может обуславливаться контактным влиянием русского языка. Таким образом, можно предположить, что в бурятском языке названия базовых эмоций довольно жестко ориентированы на поведение других людей в качестве стимула.

Заключение

Итак, по данным Бурятского корпуса функцию подлежащего в ЭКК предпочтительно выполняют антропонимы (подлежащее-Каузатор), краткие названия информации-Стимула и ситуаций-Стимулов (подлежащее-Стимул); реже используются придаточные подлежащие (ситуации-Стимулы в развернутом виде), крайне редко подлежащее-Стимул представлено предметной лексикой (являющейся, тем не менее, «эквивалентом пропозиции» [Арутюнова, 1976, с. 146]). Так, в 126 корпусных примерах с глаголом *айлга-* ‘пугать’ Стимулы, представленные придаточным подлежащим, отсутствуют; среди подлежащих, выраженных именными группами, имеются шесть случаев информации-Стимула, три случая ситуаций-Стимулов, все остальные примеры – с именами Каузаторов (антропонимы, только четыре случая – названия животных). Кроме того, контекстуально обусловленные формы Каузаторов и Стимулов различаются. Каузаторы могут быть представлены именными группами (в том числе и придаточными подлежащими типа ‘тот, кто’), дистальным указательным местоимением *тэрэ* и эллипсисом. Стимулы могут быть представлены придаточными подлежащими событийного значения (‘тот факт, что’), именными группами (названия событий, информация о событиях) и проксимальным указательным местоимением *энэ* (эллипсис невозможен). Самой крупной семантической группой неодушевленных существительных в роли подлежащего-Стимула оказались имена информационного (‘новость’), а не событийного значения (‘встреча’), ср. [Падучева, 2004, с. 274]; это показывает значимость коммуникативного фактора в языковом сообществе. Содержание этой информации, т. е. собственно ситуация-Стимул, может остаться неназванным либо выражаться дополнительными конструктивными средствами. В целом же анализ корпусных данных приводит к заключению, что все элементы в роли подлежащего при глаголах каузации эмоций, будь то придаточные или имена, как одушевленные, так и неодушевленные, представляют в конечном счете ситуацию-Стимул: придаточные и событийные имена – напрямую, с разной степенью развернутости, имена информационного значения, соответственно, через информацию о ней, имена одушевленные – через ее Агенса, ее активного участника, редкие

имена предметного значения – через ее Тему. Тем самым подтверждается точка зрения, что «каузирует всегда ситуация, а не каузатор» [Недялков, Сильницкий, 1969]. Выбор же способа вербализации зависит от фокуса внимания говорящего («коммуникативных рангов» компонентов [Падучева, 2004, с. 281]). Тот факт, что наиболее частотным в ЭКК является подлежащее-Каузатор, показывает, что фокус внимания говорящего лежит, как правило, на лицах, активно действующих в событиях, вызывающих эмоцию.

Список литературы

- Апресян В. Ю. Валентность стимула у русских глаголов со значением эмоций: связь семантики и синтаксиса // Русский язык в научном освещении. 2015. № 1 (29). С. 28–66.
- Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976. 383 с.
- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. 399 с.
- Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. 336 с.
- Дадуева Е. А. Каузативные конструкции в бурятском языке: функционально-семантический и лингвокогнитивный аспекты: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2022. 46 с.
- Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология каузативных конструкций: Морфологический каузатив. Л.: Наука, 1969. 311 с.
- Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры. 2004. 608 с.
- Санжеев Г. Д. Синтаксис бурят-монгольского языка. Улан-Удэ: БурГиз, 1940. 130 с.
- Скрибник Е. К. Бурятские полипредикативные конструкции с показателем *гэжэ* // Показатели связи в сложном предложении. Новосибирск, 1987. С. 35–41.
- Скрибник Е. К. Скрепa *гэжэ* в бурятских эмотивных конструкциях // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 36–43.
- Сюткина Н. П. Эмотивные каузативы русского языка // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018. №11. С. 141–144.
- Храковский В. С. О соотношении причинных и каузативных конструкций // Уч. зап. Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 3. С. 64–70.
- Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987. 197 с.
- Baranova V. Grammaticalization paths of the verb *gi-* ‘say’ in Kalmyk // Mongolica Pragensia 15. Linguistics, Ethnolinguistics, Religion and Culture. Vol. 8, No. 2 (2015). P. 57–76.
- Belletti A., Rizzi L. Psych-Verbs and Theta-Theory // Natural Language and Linguistic Theory 6. 1988. P. 291–352.
- Croft W. Case marking and the semantics of mental verbs // Semantics and the Lexicon / Ed. by J. Pustejovsky. Dordrecht [u. a.]: Kluwer Acad. Publ., 1993. P. 55–72.
- Kutscher S. Kausalität und Argumentrealisierung: zur Konstruktionsvarianz bei Psychverben am Beispiel europäischer Sprachen. Tübingen: Niemeyer, 2009. 280 pp.
- Murmann M. Inchoative Emotion Verbs in Finnish: Argument Structures and Collexemes // Korpuslinguistik und interdisziplinäre Perspektiven auf Sprache. Bd. 9. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag, 2019. 221 pp.
- Poppe N. Khalkha-Mongolische Grammatik. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GmbH, 1951. 187 pp.
- Verhoeven E. Experiential constructions in Yucatec Maya: a typologically based analysis of a functional domain in a Mayan language. Amsterdam [u.a.]: Benjamins, 2007. 380 pp.
- Wierzbicka A. Semantics, Culture and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. New York, Oxford: Oxford University Press, 1992. 487 pp.
- Wierzbicka A. Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universals. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 349 pp.

Список условных сокращений

∅ – нулевая морфема; **ABL** – аблатив; **ACC** – аккузатив; **ADJ** – прилагательное; **AUX** – вспомогательный глагол; **CAUS** – каузатив; **COM** – комитатив; **CVB** – деепричастие; **DAT** – датив; **Exp** – Экспериментер; **GEN** – генитив; **INST** – инструменталис; **INTENS** – интенсивное действие; **NEG** – отрицание; **NOM** – номинатив; **PC.FUT** – причастие будущего времени; **PC.HAB** – причастие многократное; **PC.PAST** – причастие прошедшего времени; **PC.PRS** – причастие настоящего времени; **PCL** – частица; **PL** – множественное число; **POSS** – лично-притяжательный аффикс; **PROPR** – проприатив; **PROX** – близкое указание; **CVB** – конверб; **PRS** – настоящее время; **PST** – прошедшее время; **PSTP** – послелог; **REFL** – притяжание; **SG** – единственное число.

References

- Apresyan V. Yu. *Valentnost' stimula u russkikh glagolov so znacheniem emotsiy: svyaz' semantiki i sintaksisa* [Stimulus valence in Russian verbs with the meaning of emotions: connection between semantics and syntax]. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2015, no. 1 (29), pp. 28–66. (In Russ.)
- Arutyunova N. D. *Predlozhenie i ego smysl* [Sentence and its meaning]. Moscow, Nauka, 1976, 383 p. (In Russ.)
- Balli Sh. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General linguistics and issues of the French language]. Moscow, 1955, 399 p. (In Russ.)
- Baranova V. Grammaticalization paths of the verb *gi-* 'say' in Kalmyk. *Mongolica Pragensia 15. Linguistics, Ethnolinguistics, Religion and Culture*. 2015, vol. 8, no. 2, pp. 57–76.
- Belletti A., Rizzi L. Psych-Verbs and Theta-Theory. *Natural Language and Linguistic Theory*. 1988, vol. 6, pp. 291–352.
- Cheremisina M. I., Kolosova T. A. *Ocherki po teorii slozhnogo predlozheniya* [Essays on the theory of complex sentences]. Novosibirsk, 1987. (In Russ.)
- Croft W. Case marking and the semantics of mental verbs. In *Semantics and the Lexicon*. J. Pustejovsky (Ed.). Dordrecht [u. a.], Kluwer Acad. Publ., 1993, pp. 55–72.
- Dadueva E. A. *Kauzativnye konstruksii v buryatskom yazyke: funktsional'no-semanticheskiy i lingvokognitivnyy aspekty* [Causative constructions in the Buryat language: functional-semantic and linguistic-cognitive aspects]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2022. (In Russ.)
- Grammatika buryatskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Buryat Grammar. Phonetics and morphology]. Moscow, Vost. lit., 1962, 336 p.
- Khrakovskiy V. S. *O sootnoshenii prichinnykh i kauzativnykh konstruksiy* [On the relationship between causal and causative constructions]. *Proceedings of Petrozavodsk state university*. 2020, vol. 42, no. 3, pp. 64–70. DOI 10.15393/uchz.art.2020.466 (In Russ.)
- Kutscher S. *Kausalität und Argumenrealisierung: zur Konstruktionsvarianz bei Psychverben am Beispiel europäischer Sprachen*. Tübingen, Niemeyer, 2009.
- Murmann M. Inchoative Emotion Verbs in Finnish: Argument Structures and Collexemes. In: *Korpuslinguistik und interdisziplinäre Perspektiven auf Sprache*. Tübingen, Narr Francke Attempto Verlag, 2019, Bd. 9.
- Nedyalkov V. P., Sil'nitskiy G. G. *Tipologiya kauzativnykh konstruksiy. Morfologicheskij kauzativ* [Typology of causative constructions. Morphological causative]. Leningrad, Nauka, 1969, 311 p. (In Russ.)
- Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in lexical semantics]. Moscow, LRC Publishing House, 2004, 608 p. (Studia philologica). (In Russ.)
- Poppe N. *Khalkha-Mongolische Grammatik*. Wiesbaden, Franz Steiner Verlag GmbH, 1951.
- Sanzheev G. D. *Sintaksis buryat-mongol'skogo yazyka* [Syntax of the Buryat-Mongol language]. Ulan-Ude, BurGiz, 1940, 130 p. (In Russ.)

Skribnik E. K. *Buryatskie polipredikativnye konstruksii s pokazatelem gezhe* [Buryat polipredicative constructions with mark gezhe]. In *Pokazateli svyazi v slozhnom predlozhenii* [Marks of connection in complex sentence]. Novosibirsk, 1987, pp. 35–41. (In Russ.)

Skribnik E. K. *Skrepa gezhe v buryatskikh emotivnykh konstruksiyakh* [Conjunction gezhe in Buryat emotive constructions]. *Siberian Journal of Philology*. 2015, no. 2, pp. 36–43. (In Russ.)

Syutkina N. P. *Emotivnye kauzativy russkogo yazyka* [Emotive causatives of Russian language]. *Modern Science: actual problems of theory and practice. Series of "HUMANITIES"*. 2018, no. 11, pp. 141–144. (In Russ.)

Verhoeven E. *Experiential constructions in Yucatec Maya: a typologically based analysis of a functional domain in a Mayan language*. Amsterdam [u.a.], Benjamins, 2007.

Wierzbicka A. *Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universals*. Cambridge, Cambridge University Press, 1999.

Wierzbicka A. *Semantics, Culture and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. New York, Oxford, Oxford University Press, 1992.

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
12.10.2023*

Сведения об авторах

Скрибник Елена Константиновна – доктор филологических наук, профессор Института финноугроведения Университета им. Людвига-Максимилиана (Мюнхен, Германия)

E-mail: skribnik@lmu.de

ORCID 0000-0002-9673-2163

Даржаева Надежда Баировна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия)

E-mail: dnadezhda@mail.ru

ORCID 0000-0002-1701-2329

Information about the authors

Elena K. Skribnik – Doctor of Philology, Emeritus Professor, Institute for Uralic Studies, Ludwig Maximilian University of Munich (Germany)

E-mail: skribnik@lmu.de

ORCID 0000-0002-9673-2163

Nadezhda B. Darzhaeva – Doctor of Philology, Leading Researcher, Department of Linguistics, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IMBTS SB RAS), (Ulan-Ude, Russian Federation)

E-mail: dnadezhda@mail.ru

ORCID 0000-0002-1701-2329